

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТЕКСТА*

Первому изданию «Слова о полку Игореве» исполнилось 200 лет. Дата солидная, и в связи с ней вполне уместно, я думаю, сопоставить первое издание памятника с современным прочтением текста.

Что исправляют исследователи в тексте первого издания? Это наглядно показывает текст, помещенный в первом томе Энциклопедии «Слова о полку Игореве». Принципиальной позицией редакторского коллектива было бережное отношение к тексту первого издания, который принят за основу и в который, как указано в предисловии, «внесено лишь минимальное число смысловых и буквенных исправлений: по преимуществу это исправления явных опечаток или недосмотра первых издателей. Иные чтения, имеющие различные толкования в науке, оставлены без изменений, но в примечаниях к ним (с определением: Исправляют) указаны наиболее распространенные поправки (конъектуры)... Пунктуация в данном тексте принадлежит редакторам „Энциклопедии“, и ее отличия от пунктуации издания 1800 г. не оговариваются».¹

В примечаниях к опубликованному в Энциклопедии тексту «Слова» указано 99 поправок. Однако это далеко не полный перечень предлагаемых конъектур, как будет показано далее. Таким образом, текст первого издания предложено исправить более чем в ста случаях.

Что это за конъектуры, чем они обусловлены и все ли они оправданны и необходимы?

Ответ на этот вопрос должен дать сводный текстологический комментарий к тексту первого издания. На мой взгляд, он не должен быть простым перечислением конъектур. Нужен критический анализ предложенных поправок к тексту первого издания с учетом чтений Екатерининской копии.

Моя же задача — в самой общей форме проанализировать, что, почему и как исправляют исследователи в тексте первого издания и все ли предлагаемые поправки мы можем принять.

Я объединила предложенные конъектуры в пять групп: 1-я группа — это исправления, касающиеся слитного или раздельного написания слов со служебными словами; 2-я группа — это исправления в написании отдельных слов, часто меняющие их смысл; 3-я группа конъектур — это иное, по сравнению с первым изданием, деление текста на слова, обусловленное иным осмыслением текста; 4-я группа конъектур — это иное деление текста по предложениям; 5-я группа конъектур — это перестановки фрагментов в тексте первого издания «Слова».

Поскольку в рукописи текст был написан в сплошную строку, а на слова он разделен первыми издателями, то исправления, касающиеся слитного или

* В основу статьи положен доклад, прочитанный 6 декабря 2000 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на конференции, посвященной 200-летию первого издания «Слова о полку Игореве».

¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 8.

раздельного написания слов (1-я, 3-я и 4-я группы конъектур) — это исправления, вносимые именно в текст первого издания, а не в текст дошедшей рукописи «Слова». В композиционном же плане первые издатели следовали за рукописью, поэтому все перестановки фрагментов (5-я группа конъектур) это исправления, вносимые исследователями не только в текст первого издания, но и, через него, в текст рукописи. Что касается исправлений в написании слов, связанных с изменением их смысла (2-я группа конъектур), то это, как правило, тоже исправления ошибок, перешедших в текст первого издания из рукописи. Но есть также случаи, когда исправляются ошибки в написании слов, внесенные первыми издателями: *Ярослову* вместо «Ярославу», *который* вместо правильного «которые», т. е. «которой» (буква *й* поставлена первыми издателями) во фразе «которые дотечаше, та преди пѣсь пояше...», и т. д.

Рассмотрим кратко конъектуры всех пяти групп.

I. Первая группа конъектур связана со слитным или раздельным написанием слов со служебными словами. В Энциклопедии отмечено 25 таких конъектур (см. примечания 2, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 19, 20, 22, 28, 31, 32, 34, 36, 42, 43, 53, 54, 67, 78, 81, 83, 91, 97). Издатели меняют текст первого издания в соответствии с современными правилами правописания. Слитное написание слов с частицами *ли*, *же* заменяется на раздельное, например *чили* на «чили», *не лѣполи* на «не лѣпо ли»; исправляется также слитное написание слов с предлогами: *сѣморя*, *стугою*, *вмоем* и т. п., слитное написание *неслала*, *непобѣдными*, *сыпахутьми* (глагол с последующим местоимением) и т. д. Напротив, раздельное написание слов *на преди*, *на ниче*, *не лѣзѣ*, *въ срожатѣ*, *не пособие*, *по морію*, *по Сулію* исправляется на слитное написание.

II. Вторая группа — это исправления ошибок в написании отдельных слов. В Энциклопедии отмечено 25 такого рода поправок, они указаны в примечаниях 6, 15, 18, 19, 21, 23, 24, 29, 33, 35, 38, 39, 40, 45 и др. Обоснованными представляются исправления следующих слов первого издания: *подобію* на «по дубію», т. е. «по дубравам» («Уже бо бѣды его пасетѣ птицѣ по дубію»); *не шеломянемѣ* на «за шеломянемѣ» («О Руская землѣ! Уже за шеломянемѣ еси!»); *повелѣя* на «полелѣя» («Сѣ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя отца своего междѣ угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву»); *вступилѣ Девою* на «вступила Девою» («Вѣстала обида въ силахѣ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню...»); *опустоша* на «опуташа» («а самую опуташа въ путины желѣзны»), *времены* на «бремены» («меча бремены чрезѣ облаки»); *папорзи* на «паворзи», т. е. «ремешки, удерживающие шлем на голове»; в шлемах западного типа («латинских») эти ремешки укреплялись железными пластинками («Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подѣ шелома латинскими»), и т. д.

Однако далеко не все из предложенных конъектур этой группы являются обоснованными. Не являются необходимыми, на мой взгляд, поправки, указанные в Энциклопедии «Слова» в примечаниях к тексту 1, 25, 27, 44, 49, 52, 60, 65, 71, 72, 73, 76, 77.

Примечание 44. *Босуви* (эпитет ворон), например, не нужно исправлять на «бусови», так как это разные формы одного и того же слова: *бусый*, *бусовый*, *босый*, *босувый* — все эти слова означают «серый с различными оттенками» или такую двухцветную окраску, когда один из цветов — серый. «Босуви врани» — это серые вороны с черной окраской головы, горла, крыльев, хвоста, клюва и ног, т. е. серо-черные.² Каркающие *босуви врани*

² Соколова Л. В. Цвет в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. С. 198—199. О других толкованиях слова «босуви» см.: Творогов О. В. Ворон // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 233—235.

сна Святослава — это, по толкованию бояр, «готския красныя дѣвы», которые, радуясь победе половцев, воспевают «время бусово», т. е. темное, мрачное время, когда после битвы на Каяле «тьма свет покрыла».

Примечания 60 и 76 указывают на предлагаемое исправление *оттворяеши* (с двумя *т*) на «отворяеши» (с одним «т»). Однако в Словаре русского языка XI—XVII веков в заглавии словарной статьи даны обе эти формы как равнозначные, и, следовательно, заменять одну форму на другую у нас нет оснований.

Примечание 65 отмечает предлагаемую замену во фразе «Главы своя *поклониша* подъ тыи мечи харалужныи» (слово *поклониша* предлагается заменить на «подклониша»). Но здесь говорится о том, что покоренные народы именно поклонили, т. е. склонили головы под мечами харалужными в знак покорности. В древности существовал даже обычай: в знак покорности врагов заставляли пройти под скрещенными мечами.

Примечание 49. Было предложено также слово *многовои* во фразе «а уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава» исправить на «многовая» (с «я» на конце). Однако эта поправка также не нужна. Л. А. Булаховский в статье «О первоначальном тексте „Слова о полку Игореве“» пишет: «Многовои... обычно исправляют на ... „многовая“... В этой поправке нет прямой надобности, так как всем славянским языкам хорошо известны образования такого рода, принадлежащие к типу *ja-основ*; ср. хотя бы старослав. *юноша*, *убийца*, *предътеча*, *дрѣводѣля*. Род. падеж ед. ч. на -и, а не на -ѣ не представляет в „Слове о полку Игореве“ чего-либо уединенного».³

Примечание 71. Фразу «Ярославе и вси внуце Всеслави» не следует, на мой взгляд, исправлять на «Ярославли и вси внуце Всеслави» или (с перемещением союза «и») на «Ярославли вси внуце и Всеслави»; эту конъектуру предложил еще Н. И. Маньковский, ее активно отстаивал Д. С. Лихачев. По мнению Д. С. Лихачева, «в этом месте „Слова“ речь идет... о большом длительном историческом явлении: о длительной вражде полоцких князей (Все-славичей. — Л. С.) со всеми остальными русскими князьями (Ярославичами. — Л. С.)».⁴ Однако это, как уже отмечалось Л. А. Дмитриевым,⁵ неверная интерпретация текста. Рассматриваемая фраза входит во фрагмент о *полоцких* князьях XII века, которые *своими междоусобицами* наводят «поганных» (язычников-литовцев, северных врагов Руси) на землю Русскую, на жизнь (т. е. удел) Всеслава, своего деда. Обращаясь ко всем внукам (потомкам) Всеслава, т. е. ко всем *полоцким* князьям, автор «Слова» первым называет Ярослава. По предположению А. В. Соловьева,⁶ это один из внуков Всеслава Полоцкого, Ярослав Глебович Минский, старший из полоцких князей (дядя жены Святослава Киевского). Автор обращается к нему (вероятно, как к старейшине полоцких князей) и ко всем остальным князьям — внукам Все-слава с призывом прекратить междоусобные войны, представляющие опасность для *северных* границ Руси. При этом автор напоминает, что из-за княжеских «котор», т. е. распрей, было «насилие» Русской земле и на юге — от земли Половецкой.

³ Булаховский Л. А. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» // Известия ОЛЯ. 1950. Т. 11. Вып. 5. С. 443.

⁴ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве: М.; Л., 1950. С. 451—452 (серия «Лит. памятники»).

⁵ Слово о полку Игореве. Л., 1952. (Б-ка поэта. Большая сер.) Примечания к тексту «Слова».

⁶ Soloviev A. V. Encore deux glosses sur Le Dit d'Igor: II. Jaroslav et les petits-fils de Vseslav // For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. The Hague, 1956. P. 478—484.

Примечание 77. Во фразе «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше» неоправданной является замена «въ друзѣ» (в другом, во втором) на «въ дръзѣ» (дерзком), предложенная Вс. Миллером.⁷ Еще Ф. И. Буслаев заметил, что Всеслав изображен в «Слове» оборотнем-волком, волкодлаком, имеющим два тела: он попеременно человек и волк.⁸ По существующим поверьям, люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы, имеют и две души.⁹ И вещая душа у Всеслава была именно в другом, не человеческом, а волчьем теле. Он обладал сверхъестественными способностями, в частности необыкновенной быстротой передвижения, только по ночам, в образе волка.

Особую группу составляют исправления с целью придать слову «правильную» форму. Между тем в «Слове», как в поэтическом памятнике, неоднократно используется известный поэтический прием стяжения слова. Автора заботит звучание поэтического текста, рассчитанного на произнесение вслух. Строка должна произноситься легко, в ней не должно быть неудобопроизносимых сочетаний звуков. Например, в четырех случаях в слове *пѣснь*, *песньми* выпущено *н*: *пѣсь пояше, пѣти было пѣсь, веселыми песьми свет поведает, пѣтворца стараго времени*.¹⁰ Но в строке «пѣвше пѣснь старымъ княземъ» дана полная форма слова *пѣснь*, без *н* получилось бы труднопроизносимое *пѣсь старымъ*. Поэтическая фонетика «Слова» обусловила также написание *бысь* вместо *бысть* («Не бысь ту брата Брячислава»), *пяткѣ*¹¹ вместо *пятюк* (т. е. в пятницу). Это слово (*пяткѣ*) участвует в звукописи, передающей топот мчащегося по просторам степи конного войска: «Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганая плѣкы половецкыя...»; слово же *пятюк* с двумя слогами замедлило бы темп, ритм строки. В сцене разговора Игоря с Донцом местоимение *его* передано буквой *е*: «Стрежаше е гоголемъ на водѣ». Если мы исправим *е* на *его*, в строке появятся три подряд идущих слога *го*: «Стрежаше его гоголемъ на водѣ» — это уже похоже на трудную скороговорку.

В примечаниях к тексту, изданному в Энциклопедии, не указаны некоторые из предложенных исследователями конъектур этой группы. Не учтены здесь, например, такие известные и убедительные конъектуры, как «мысію» вместо *мыслию* («растѣкашется мысію по древу»), «злаченныи» вместо *злаченными* («Не ваю ли злаченныи шеломы по крови плаваша?»), «окони» (в одно слово, понимаемое как глагол или наречие) вместо *о кони* («Тѣй клюками подпрѣся окони»), «ни пытьцю» (т. е. провидцу, вещему) вместо *ни птицю* («Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда Божіа не минути!») и др. Рассмотрим подробнее одну из этих конъектур.

Характеризуя песнетворчество Бояна, автор «Слова» говорит: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы...». Эта фраза смущала многих исследователей. Все попытки как бы то ни было осмыслить это выражение оказывались неудачными. В связи с этим рано возникло

⁷ Миллер Вс. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 234—235.

⁸ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 391. Точку зрения Ф. И. Буслаева поддержали и развили Р. О. Якобсон и М. Шефтель, Б. В. Сапунов, Ярослав Павлик и др. исследователи.

⁹ Плотникова А. А. Душа // Славянская мифология. М., 1995. С. 174.

¹⁰ М. В. Щепкина предположила, что первое издание передает в этих случаях написание «пѣсь» с выносным *с*, которое встречается, как указал О. В. Творогов, в Ипатьевской летописи. См.: «Слово о полку Игореве». Л., 1967. С. 471.

¹¹ Вероятно, слово «пяткѣ» было написано в рукописи с выносным *т*, которое не прочел писец Екатерининской копии, где вместо «пяткѣ» читается «пякъ».

предположение, что *мыслию* — искаженное чтение. Н. А. Полевой предположил, что под «мыслию» здесь следует разуместь какого-нибудь зверька или птичку, «ибо тут видимая постепенность сравнений»: облака, земля, дерево — орел, волк, мысль. Н. Корелкин еще в XIX веке предложил читать вместо *мыслию* — «мысию», сославшись на то, что так в псковских говорах¹² называют белку-летягу. Чтение «мысию» находит убедительное подтверждение в мифологических представлениях индоевропейских народов, на что указал Д. М. Шарыпкин.¹³ Согласно индоевропейскому мифу о мироздании, небо, земля и соединяющее их древо жизни — это три яруса мироздания. Эмблема высшей сферы — орел, низшей — волк, эмблема мирового древа — белка (мышь). Таким образом, в «Слове» говорится о мифическом путешествии Бояна по трем сферам космоса в образе волка, орла и белки. Превращаясь в эти мифологические существа, символы трех ярусов мироздания, вещей (т. е. обладающий сверхъестественной силой) Боян как бы становится всеобъемлющим, что и является причиной его необычайной мудрости, всеведения, его дара предвидения, предсказания.

III. Третья группа конъектур связана с иным разделением текста на слова, объясняемым иным пониманием его смысла.

Слово «къмети» — дружинники, составлявшие постоянное войско князя, — было не понято первыми издателями и написано в два слова: *къ мети* («в цель» — перевод первых издателей). Слово «мужаимъся» (помужествуем) в первом издании написано в три слова: *му жа имъся*. Имя «Ходына» — в два: *ходы на*. «У Рим» (т. е. у города Римова) осмыслено первыми издателями как имя и написано в одно слово: *Урим*. Слово «сицей» (такой) («а сицей рати не слышано») в первом издании читается в два слова: *сице и*. Напротив, вместо «по Рси и Суле» в первом издании читается *по Рсиу Суле*. Выражение «свистъ звѣринъ вѣста, зби дивъ, кличетъ врѣху древа» в первом издании было иначе разбито на слова: *свистъ звѣринъ въ стазби, дивъ кличетъ врѣху древа*.

Перечисленные поправки являются сейчас общепринятыми. Далее же я рассмотрю два «темных места» первого издания, еще не получивших общепринятого прочтения.

Примечание 12 отмечает предлагаемую конъектуру к фразе «И с хотию на кров, а тѣи рекъ». Было предложено много различных вариантов деления на слова в этой фразе. В примечаниях к тексту, изданному в Энциклопедии, приводится такой вариант поправки: «*И схоти ю на кровать и рекъ*». Издавая «Слово» в серии «Библиотека литературы Древней Руси», О. В. Творогов принимает другую правку: «*Исхыти юна кров, а тѣи рекъ*», в переводе же он опускает эту фразу как неясную.¹⁴ Существуют и другие осмысления этой фразы.

Мне представляется единственно возможной конъектура, предложенная еще М. Максимовичем: «*И с хотию на кровати, рекъ*». Эта поправка делает текст абсолютно ясным. М. Максимович отметил, что автор использовал здесь распространенную метафору «смерть-свадьба», идущую от языческих представлений о смерти как о браке с божеством смерти, а позднее — просто со смертью. В качестве невесты в этом мотиве выступает также земля, гробовая доска и т. п.

¹² Позднее исследователи указали, что слово «мышь» в значении белка бытует также в новгородских и среднеуральских говорах.

¹³ Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 14—22.

¹⁴ Слово о полку Игореве / Подг. текста, перевод и комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 262—265.

М. Максимович привел параллели из народных славянских песен.¹⁵ В украинской народной песне «Ой, конь біжить, трава шумить» умирающий козак посылает прощальный поклон матери через своего коня и поручает не говорить, что он умер, а сказать так:

Ты скажи, коню, що я оженився,
Да поняв себе паняночку —
В чистом поле земляночку.

В русской народной песне «Уж как пал туман на сине море» русский воин также говорит коню своему:

Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене —
На другой жене, мать-сырой земле.

М. Максимович указывает также на греческую песню «Последнее прощание Клефты», где умирающий герой обращается к другу:

Не сказывай, друг, что погиб я, что умер я, бедный;
Одно им скажи, что женился я в грустной чужбине,
Что стала несчастному черна земля мне женой,
И тещею — камень, а братьями — острые кремни.

Много примеров метафоры «смерть-свадьба» приводит В. И. Еремина в книге «Ритуал и фольклор»: из обрядовой поэзии, из обыденной речи (о дряхлой, больной старухе в Полесье говорят: «она собирается замуж»), из прозы XX века и даже из «Ромео и Джульетты» Шекспира («О сын мой, в ночь перед твоею свадьбой/ Легла в постель с твоей невестой смерть»)¹⁶

Итак, уподобление смерти свадьбе, смерти в битве брачному пиру — широко распространенный мотив, и непонятно, почему до сих пор выражение «и с хотию на кровати» считается «темным местом». Изяслав со смертью-невестой (хотию) на смертном ложе (на кровавой траве под червленными щитами) сказал... — т. е. «сказал, умирая». Выражение «с хотию на кровати» в значении «умирая» — это образное выражение, подобное выражению «на санях сидя», т. е. перед смертью, употребленному в Поучении Владимира Мономаха.

Рассмотрим также фрагмент о Всеславе Полоцком, в котором Р. О. Якобсоном в трех случаях предложена иная разбивка на слова по сравнению с первым изданием (текст приводится с поправками Р. О. Якобсона):

Утръже вазни с три кусы:
Отвори врата Нову-граду,
Разшибе славу Ярославу, —
Скочи влъком до Немиги,
Съду токъ.

Примечание 75 в Энциклопедии «Слова» отмечает замену *утрѣ же* на «утрѣже» (отхватил) и замену *стрикусы* на «с три кусы», предложенную Р. О. Якобсоном. Первая строка читается в первом издании так: «Утрѣ же воззни стрикусы», что переводят так: утром же (т. е. на следующее утро после того, как бежал от киевлян из-под Белгорода) вонзил стрикусы (осмысливается в этом случае как стенобитное орудие, род тарана), отворил ворота Новгорода.

¹⁵ Максимович М. А. Лекции о русской словесности // Собр. соч. Т. 3. Киев, 1880. С. 526—527.

¹⁶ Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 173—186.

Смысл совершенно невозможный, потому что последовательность событий была иной: вначале Всеслав отворил ворота Новгорода, затем оказался на Киевском столе, а уже потом бежал от киевлян из Белгорода, отказавшись от сражения с Изяславом за Киевский стол.

Р. О. Якобсон, основываясь на чтении Екатерининской копии («Утръже вазнистри кусы»), предложил исправить текст первого издания и читать: «Утръже вазни с три кусы», понимая это выражение так: «Урвал удачи с три клона».¹⁷ Д. С. Лихачев, отметив, что «три клона удачи» — выражение явно неудачное, предложил при той же разбивке текста на слова иначе разбить его на синтагмы: «урвал удачи: с три кусы (т. е. с трех попыток, покушений) отворил врата Новгорода».¹⁸ Это прочтение подкрепила В. Л. Виноградова, указав на слово «куса/хуса» в значении «грабительский набег» и предложив перевод: «урвал удачу: с трех набегов отворил врата Новуграду».¹⁹ Однако даже если считать, что набегов было три, то удачным был первый набег, а выражение «с трех набегов» предполагает, что удача улыбнулась на третий раз, а два предыдущих набега были неудачными.

На мой взгляд, словосочетание «с три кусы» нужно понимать как идиоматическое выражение, значение которого не складывается из значения составляющих его слов: «с три кусы» означает «мало», так же мало, как три куса (куска) хлеба (ср.: «с три короба» — много). Выражение «три куса» в значении «немного» встречается в Проложном житии Варлаама: «Ядь же бѣ блаженнаго Варлаама: сочиво от земьных зелий, и того мало, а хлѣба 3 кусы, и воду поскуду».

В Энциклопедии «Слова» при публикации текста не отмечена еще одна конъектура, предложенная в рассматриваемый фрагмент Р. О. Якобсоном: он предложил заменить загадочные и неведомые *Дудутки* словосочетанием «сду токъ».²⁰ Расценив *Дудутки* как диттографию, удвоение слога, он привел подобные примеры из других рукописей. Эта конъектура Р. О. Якобсона представляется мне убедительной. Автор «Слова» использовал здесь распространенный в славянском эпосе тоpos: богатырь и его мифический противник (змей) «дуют токъ», т. е. готовят место битвы. Употребив выражение «сду токъ», автор «Слова» далее развивает метафору «место битвы — токъ»: «На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепи харалужными; на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла».

Не отмечена в Энциклопедии «Слова» при публикации текста и еще одна убедительная, на мой взгляд, конъектура. В сне Святослава шестая картина сна в первом издании читается так: «У Плѣньска на болони бѣша дебръ Кисаню и не сошлю кѣ синеумю морю». В. Макушев предложил читать эту фразу так: «У Плѣньска на болони бѣша дебръски сани и несоша я кѣ синеумю морю»; т. е. *дебръ Кисаню* читать как «дебръски сани», иначе разбив текст на слова с добавлением выносного «с», и *не сошлю* читать как «несоша я»²¹ (другой предложенный вариант — «несошася»).

¹⁷ La Geste du Prince Igor', épopée russe du douzième siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction d' H. Grégoire, R. Jakobson et M. Szeftel, assistés de J. A. Joffe. New York. 1948. P. 68.

¹⁸ Лихачев Д. С. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 587.

¹⁹ Виноградова В. Л. Еще одна догадка о «стрикусы» «Слова о полку Игореве» // ИОЛЯ. 1969. Т. 28. Вып. 1. С. 71—74.

²⁰ La Geste du Prince Igor'... P. 92—93. Об этой конъектуре Р. О. Якобсона, не отмеченной при публикации текста, говорится в Энциклопедии «Слова» в статье «Дудутки». См.: Салмина М. А. Дудутки // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 145—147.

²¹ Макушев В. [Рец. на кн.: Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве. М., 1866] // ЖМНП. 1867. Февр. С. 459—461.

В. Макушев переводил «сани» словом «змеи». Но более убедительна другая точка зрения, согласно которой сани — это зимняя повозка на полозьях. Эпитет «дебрьски» сторонники этой точки зрения переводят как «адские», ссылаясь на такое его значение в памятниках христианской литературы (дебрь огненная — ад, геенна). Однако такой перевод явно неверен. Можно предположить, что у язычников слово «дебрь» (ущелье, пропасть) означало в переносном смысле подземный мир смерти, царство смерти вообще, мир мертвых, подобно греческому Аиду и еврейскому Шеолу. И лишь затем, в христианстве, разделившем царство смерти на небесный рай и подземный ад, слово «дебрь» с добавлением определения «огненная» стало означать ад. В таком случае «дебрьски сани» в «Слове» — это сани, на которых везут в загробный мир, сани как принадлежность похоронного обряда. Интересно, что вологодское слово «дебрьский» означает «неведомо откуда, из неизвестных, чужих мест».

Смысл рассматриваемой символической картины сна Святослава, как представляется, в том, что Святослав, сидящий «в Киеве на горах», грозный и великий, во сне видит себя не в Киеве — столице Киевской Руси, ее центре, а на самой окраине, у небольшого пограничного городка на юго-западе Руси Плесньска,²² и даже не в самом городе, а на болони, т. е. за городом (болонь — это пространство между внутренними и внешними городскими стенами). Наконец, вместо «золотого стола» киевского (символа власти, силы, могущества) он оказывается во сне в погребальных саях (символ не-жизни, не-могущества, не-бытия), в которых несут его к морю — символу «того света» и одновременно месту пребывания половцев, к ним в плен. Святославу на символическом языке снится то, что произошло с его родственниками и вассалами, князьями — участниками похода.

Косвенное подтверждение такого толкования фразы находим в фольклоре, в песнях невесты, тоже наполненных символикой смерти. Одна из картин сна невесты связана с увозом ее на саях в леса неведомые (лес и море — взаимозаменяемые символы потустороннего мира, мира смерти).

IV. Четвертая группа конъектур связана с иным, по сравнению с первым изданием, делением текста на предложения. Приведу два примера.

Фрагмент «Слова», посвященный Бояну и представляющий собой синтаксический период, в первом издании разбит на три самостоятельных предложения, а в некоторых современных изданиях разносится даже по разным абзацам. Вот этот текст в нашем прочтении:²³ «О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы, — пѣти было пѣсь Игореві, того (Олга) внуку: „Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галицы стады бѣжать къ Дону великому“». В первом издании после слов «на горы» и «того (Олга) внуку» стоят точки.

Второй пример касается следующего фрагмента первого издания: «И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцѣжъ бы потяту быти, неже полонену быти: а сядемъ, братіе, на свои бръззы комони, да позримъ синего Дону. Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хочу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хочу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». Еще в 1838 году И. М. Снегирев при публикации «Слова о полку

²² *Реппорт И. А.* К вопросу о Плесньске // Сов. археология. 1965. № 4. С. 92—96.

²³ См. об этом: *Соколова Л. В.* Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 68 (примеч. 15).

Игоре́ве» в «Русском историческом сборнике» (1838. Т. 3. Кн. 1. С. 107—128) предложил новое деление на предложения, о чем напoмнила в 1986 году Э. Я. Гребнева.²⁴ И. М. Снегирев отметил, что рассматриваемый фрагмент передает прямую речь Игоря, обращенную к дружине, в которой есть вставная конструкция, законченное предложение, авторский комментарий по поводу речи Игоря: «Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи». В таком случае получается несколько параллельных синтаксических конструкций, так характерных для «Слова»:

И рече Игорьъ къ дружинѣ своей:

«Братіе и дружино!

Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти;

А всядемъ, братіе, на свои бръзья комони

Да позримъ синего Дону!»

Спала князю умь похоти,

И жалость ему знамение заступи.

«Искусити Дону великаго хощу бо, — рече, —

Копіе приломити конецъ поля Половецкаго;

Съ вами, русици, хощу главу свою приложити,

А любо испити шеломомъ Дону!»

К сожалению, конъектура Снегирева игнорируется в современных изданиях «Слова о полку Игореве». Слова «Искусити Дону великаго» отрываются от последующей речи Игоря.

V. Пятая группа конъектур связана с предлагаемыми перестановками в тексте первого издания «Слова».

В примечаниях к тексту, опубликованному в Энциклопедии, под № 26 отмечена только одна перестановка, связанная с изменением смысла фразы: перестановка союза *а* во фразе «То же звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожь, а Владиміръ...» Многие исследователи читают эту фразу так: «Ступають въ златъ стремень въ градъ Тмутороканѣ, то же звонъ слыша давный великий Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ». По всей вероятности, речь здесь идет о том, что Владимир Мономах (сын Всеволода) в страхе зажимал уши, дабы «не слышать» звона стремени выступающего из Тмуторокани на Чернигов Олега Гориславича. Такой же звон слышал и Ярослав Мудрый, ибо из той же Тмуторокани выступал на него в поход его брат Мстислав.

Помимо рассмотренной перестановки союза «а» было предложено много различных перестановок отдельных словосочетаний, фраз и даже целых абзацев.²⁵ Однако ни одна из этих перестановок не получила общего признания.

Например, фрагмент со слов «О Бояне, соловію стараго времени!..» и кончая словами «...сами скачють, акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю — славъ» было предложено поставить перед словами «Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце...». Обосновывалась эта перестановка тем, что в этом случае восстанавливалась последовательность изложения. Однако на самом деле никакой непоследовательности изложения в тексте «Слова» не было. Автор, согласно своему замыслу, начинает повествование с солнечного затмения, которое служит у него завязкой действия. После слов Игоря, вы-

²⁴ Гребнева Э. Я. «Слова запутаны»: (к пониманию фразы «Спала князю умь...» в «Слове о полку Игореве») // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 112—113.

²⁵ См. об этом: Творогов О. В. Перестановки в тексте «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 78—83.

ражающих решимость продолжать поход, следует авторское отступление о Бояне, в котором автор размышляет о том, как бы Боян спел о походе Игоря. Он приводит две песни «под Бояна»: первая песня — двустилишие, образец песни-хулы: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — /Галици стады бѣжать къ Дону Великому». Вторая песня «под Бояна» — более пространная, это песня-слава, в которую входит похвала курянам-кметям. После этого отступления о Бояне автор возвращается к повествованию о походе Игоря: «Тогда (т. е. после того как решил продолжить поход) вѣступи Игорь князь въ златѣ стремянь и поѣха по чистому полю».

Исторические фрагменты о князьях XI века — Олеге Гориславиче и Все-славе Полоцком — было предложено перенести в начало повествования, дабы повествование о событиях XI века предшествовало повествованию о событиях XII века. При этом не учитывается, что «Слово о полку Игореве» — поэтический текст, и для его композиции характерны особенности композиции лиро-эпических произведений. Как в любом лиро-эпическом произведении, в нем присутствуют авторские отступления от основного сюжета, играющие важную смысловую роль и замедляющие повествование (прием ретардации).

В заключение отметим, что предлагались даже вставки в текст первого издания и, следовательно, в текст дошедшей рукописи. С. М. Соловьев, а за ним Б. А. Рыбаков полагали, что во фразе «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря» имеется в виду Владимир Мономах, с рассказа о победе над половцами которого начиналось повествование в авторском тексте «Слова», и таким фрагментом Б. А. Рыбаков считает срединную часть «Слова о гибели Русской земли», посвященную конкретному прославлению Владимира Мономаха.²⁶

Итак, единственный список «Слова о полку Игореве», который был переписан, по мнению видевших его археографов, в XVI веке, содержал, как и многие другие памятники древнерусской литературы, ошибочные чтения, отразившиеся в первом издании «Слова». Дополнительные ошибки в первоначальный текст «Слова» были внесены первыми издателями. Разумеется, текст «Слова о полку Игореве» необходимо осмыслять и исправлять. Однако следует крайне осторожно относиться к тексту великого памятника и не перекраивать его по своему усмотрению, не создавать свою редакцию, свой вариант «Слова», примеры чего мы видим иногда даже в работах известных ученых.

²⁶ Рыбаков Б. А. Перепутанные страницы: О первоначальной конструкции «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 40—48.